

Найо Марш

Убийство в частной клинике

*Часть сборника
Убийство в частной клинике
Смерть в овечьей шерсти
(сборник)*

Найо Марш
Убийство в частной клинике
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564084
Убийство в частной клинике: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081287-5

Аннотация

Министр внутренних дел, сэр Дерек О'Каллаган, умирает вскоре после операции. Инспектор Аллейн приходит к выводу: совершено убийство. Но кому выгодна смерть политика? Хирургу, у которого свои счеты с сэром Дерекком? Медсестре, ассистировавшей на операции? Или конкурирующей партии? Аллейн начинает расследование...

Содержание

Даунинг-стрит, 10	4
Лекарство без рецепта	8
Что последовало за сценой в доме	14
После операции	21
Леди О'Каллаган настаивает	26
Старший инспектор уголовной полиции Аллейн	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Найо Марш

Убийство в частной клинике

Даунинг-стрит, 10

Пятница, пятое. Вторая половина дня

Министр внутренних дел с решительным видом отложил документы, которые читал, и окинул взглядом стол. Его снова, в который уже раз, поразило, с какой напыщенной торжественностью держатся остальные члены правительства. «Поистине, – подумал он, – смотримся как заседание кабинета министров в кино. Уж слишком мы правильные, чтобы быть настоящими». И словно для того, чтобы укрепить его в этой мысли, премьер-министр откинулся на спинку кресла, положил ладони на стол и кашлянул.

– Итак, джентльмены, – важно начал он, – вот к чему мы пришли.

– Сильно, – прокомментировал министр иностранных дел и, сложив на груди руки, возвел глаза к потолку.

– Решительно, – добавил лорд-канцлер. – Я бы сказал, именно решительно.

– А по-моему, – возразил министр связи, – и не слишком сильно, и не слишком решительно. – Нервным жестом, почти сделавшим его простым смертным, министр потерял галстук и раздраженно добавил: – Черт побери, надо же что-то делать!

Возникла пауза. Министр внутренних дел шумно вздохнул.

– Итак, джентльмены, – повторил премьер-министр, – мы долго обсуждали этот вопрос, а теперь выслушали законопроект. Мы владеем всеми фактами. Вкратце дело обстоит следующим образом. Нам известно о деятельности анархистов. Мы знаем, что они собой представляют. И мы в курсе, что они готовы предпринять решительные действия. Мы согласны, что значение ситуации трудно переоценить. Доклады Министерства иностранных дел, секретной разведывательной службы и департамента уголовных расследований полицейского управления вполне убедительны. Мы имеем дело с реальной угрозой, и степень опасности продолжает расти. Дело неприятное. Данный законопроект, – он сделал жест в сторону министра внутренних дел, – можно назвать решительным. Кто считает, что он чрезмерно решителен? Необходимо внести изменения?

– Нет, – отрезал министр связи. – Не нужно.

– Согласен, – кивнул Генеральный прокурор.

– Вам не приходило в голову, – спросил лорд-канцлер, взглянув через стол на министра внутренних дел, – что у вас, сэр Дерек, больше, чем у кого-либо, причин колебаться?

Все повернули к нему головы. Министр внутренних дел улыбнулся.

– В качестве инициатора законопроекта вы окажетесь в центре внимания, – продолжил лорд-канцлер. – Нам известно, на что способны эти люди. Слово «убийство» часто появляется в сообщениях. – Улыбка министра внутренних дел сделалась немного шире. – Полагаю, можно без преувеличений сказать, что они вами сильно заинтересуются. Вы учитывали подобную возможность, мой друг?

– Ценю ваше замечание, – произнес министр внутренних дел. – Этот законопроект – мое детище. Я не собираюсь отказываться от своей роли в его подготовке и сумею о себе позаботиться.

– Считаю, что министра внутренних дел необходимо обеспечить должной охраной, – заметил канцлер казначейства.

– Разумеется, – с готовностью согласился премьер-министр. – Это наша обязанность перед страной. Ее ценности необходимо оберегать. А министр внутренних дел – исключительно ценный капитал.

Сэр Дерек усмехнулся:

– Могу вас заверить, что не собираюсь играть роль героя в мелодраматическом убийстве. Но и не вижу необходимости приходить в палату общин в окружении полицейских, переодетых моими личными секретарями и журналистами.

– Вчера я встречался с Родериком Аллейном из уголовного розыска, – многозначительно продолжил премьер-министр. – Мы обсуждали это дело неофициально. Он некоторое время держал всю эту публику под наблюдением. Аллейн не из тех людей, кто стал бы сгущать краски, но, по его мнению, министру, который внесет законопроект, грозит реальная опасность от их организации. Убедительно вас прошу позволить Скотленд-Ярду принять для вашей защиты все меры, какие считают необходимыми.

– Отлично, – проговорил сэр Дерек и, нервно поерзав в кресле, провел рукой по лицу. Затем устало спросил: – Я так понимаю, кабинет поддерживает законопроект?

Министры вновь принялись обсуждать предложение. При этом вели себя до странности торжественно: обменивались принятыми в палате оборотами, сопровождая их особыми, присущими лишь политикам, жестами. Могло показаться, будто эти люди настолько впитали профессиональные манеры, что разучились быть естественными. Министр внутренних дел сидел, вперив взгляд в лежащие перед ним бумаги, словно с головой погрузился в тягостные размышления.

Наконец премьер-министр поставил вопрос на голосование: считает ли кабинет целесообразным принять законопроект министра внутренних дел? Кабинет согласился.

– Хорошо, – заключил председательствующий. – На этом закончим.

Министр внутренних дел едва слышно простонал. Все повернулись к нему. Его лицо побелело, и он облокотился о стол.

– О'Каллаган, что с вами? – забеспокоился министр связи. – Вы больны?

– Все в порядке. Почувствовал боль, но она тут же прошла.

– Бренди? – предложил премьер-министр и потянулся к колокольчику.

– Воды, – прошептал сэр Дерек. – Простой воды. – Когда воду принесли, он жадно выпил ее и вытер лицо. – Теперь лучше. Прошу прощения.

В него вглядывались озабоченно и тревожно. Лорд-канцлер неуверенно топтался рядом. Остальные смотрели с беспомощностью и страхом, как на внезапно заболевшего человека.

– Должен перед вами извиниться, – произнес министр внутренних дел. – В последнее время я пару раз испытывал подобные приступы. Вероятно, аппендицит. Надо будет показаться врачу. Чертовски неприятное дело. Отношусь к подобным визитам как любой другой и хочу по возможности оттянуть до тех времен, пока не решится мой вопрос. – Он распрямился в кресле, а затем медленно встал. – Можно считать, что все согласовано?

– Да, да. Не лучше ли вам полежать? – предложил премьер-министр.

– Спасибо. Пожалуй, поеду домой. Не мог бы кто-нибудь сказать моему шоферу?

О'Каллаган повернулся к двери. Министр связи сделал жест, словно хотел взять его за руку. Сэр Дерек благодарно кивнул, но вышел самостоятельно. В вестибюле секретарь, взяв у лакея пальто министра, помог ему одеться.

– Проводить вас до машины, сэр Дерек? – спросил он.

– Не надо, дружок. Мне уже лучше. – Он попрощался с премьером и ушел один.

– Выглядит больным, – раздраженно заметил премьер-министр. – Остается надеяться, что это не серьезно.

– Было бы жутко неудобно, – поморщился министр связи и поспешно добавил: – Бедняга О’Каллаган.

В машине министр внутренних дел тоскливо по-смотрел в окно. Они свернули с Даунинг-стрит на Уайт-холл, был промозглый, ветреный вечер. Замерзшие лица прохожих, их безрадостно-тускляя, грязно-коричневая одежда не радовала взгляда. Люди шли, опустив головы под порывами ветра. В стекло машины судорожно бились мелкие капельки дождя. Сэр Дерек подумал, уж не в самом ли деле он серьезно болен? Им овладело уныние. Как бы не умереть от этих приступов, причиняющих ему такие страдания. Его смерть избавила бы анархистов и уголовный розыск от множества неприятностей. И его, кстати, тоже. Неужели ему есть какое-то дело до этого законопроекта и интриг людей, стремящихся реформировать британское правительство? Он ощущал лишь вялое безразличие и нежелание что-либо предпринимать. Видимо, он действительно болен.

На Конституишн-Хилл машина попала в пробку. Сбоку к ним приблизилось такси. Министр разглядел внутри пассажира, но больше ничего. Таксист несколько раз покосился на водителя О’Каллагана и что-то крикнул. Тот грубовато ответил. У О’Каллагана возникло ощущение, будто пассажир такси пристально смотрит в его окно. За ним следили. В последнее время у него много раз возникало это чувство. Он вспомнил тревогу премьер-министра, и стало даже забавно. Дернул за шнурок, и салон автомобиля осветила лампа. Возникла мрачная мысль: «Пусть как следует разглядят, пока я жив».

К его удивлению, салон такси тоже, словно в ответ, осветилось. Министр, загородившись от света рукой, взгляделся в проем окна. Единственным пассажиром такси оказался мужчина в смокинге. Он сидел, опираясь ладонями на рукоять трости. Слегка сдвинутая набок шелковая шляпа позволяла разглядеть четко очерченный, привлекательный профиль: интеллигентное холеное лицо с прямым носом, строгой линией рта и темными глазами. Мужчина не повернул головы, и пока сэр Дерек О’Каллаган пытался его рассмотреть, вереницы машин двинулись вперед, и такси осталось позади.

«Этого человека я знаю», – с удивлением подумал министр. Он старался вспомнить, но это требовало слишком много усилий. И министр оставил попытки. Через несколько минут шофер подъехал к его дому на Кэтрин-стрит и открыл дверцу автомобиля. Министр медленно вышел и с трудом одолел ступени. Дворецкий впустил его внутрь. Сэр Дерек еще оставался в холле, когда к нему по лестнице спустилась жена. Он молча смотрел на нее.

– Привет, Дерек, – сказала она.

– Привет, Сесиль, – произнес министр.

Женщина стояла у подножия лестницы и спокойно рассматривала его.

– Ты задержался, – заметила она.

– Разве? Да-да. Эти говоруны в парламенте все мололи и мололи. Не станешь возражать, если я не буду переодеваться? Вымотался.

– Разумеется. У нас ужинает одна только Рут.

О’Каллаган поморщился.

– Что я могу поделать, если твоя сестра иногда проявляет желание повидаться с тобой? – спокойно заметила Сесиль.

– Хорошо, хорошо, – устало отмахнулся муж.

Он неприязненно посмотрел на жену и подумал, насколько же она утомительно привлекательна. Всегда ухоженна, элегантно одета и до жути холодна. Даже их объятия покрывала ледяная патина хорошего тона. Иногда у сэра Дерекса возникало ощущение, что жена его недолюбливает, но и он не испытывал к ней каких-либо чувств. И считал, что женился в порыве мимолетного увлечения полярными исследованиями. Детей у них не было. И к лучшему, поскольку его род был отмечен пятном душевной болезни. Себя О’Каллаган счи-

тал вполне нормальным. Иначе благодаря жене симптомы давно бы проявились, язвительно думал он. Сесиль оказалась серьезной проверкой душевного равновесия.

Она двинулась в гостиную, но на пороге задержалась и спросила:

– Боли тебя сегодня беспокоили?

– Да, – ответил министр.

– Какая досада, – рассеянно пробормотала жена и скрылась в гостиной.

Сэр Дерек несколько мгновений смотрел ей вслед, а затем пересек небольшой холл и оказался в своем кабинете – уютной комнате с хорошим камином, удобным столом и глубокими квадратными креслами. На решетке камина пылали кедровые поленья, а рядом с его любимым креслом ждал поднос со стаканами и графином с его любимым хересом. Жена все-таки следила, чтобы о нем должным образом заботились.

О’Каллаган налил себе стакан хереса и стал разбираться с дневной почтой. Все послания оказалось до невозможности скучными. С официальной корреспонденцией работал его секретарь, а эти письма, видимо, посчитал личными. Многие из них были так и помечены. Один автор просил денег, другой – повышения по службе, третий требовал информацию. Конверт с напечатанным на машинке адресом был уже открыт секретарем. В нем лежал листок с анонимной угрозой – очередное из приходивших в последнее время похожих посланий. Сэр Дерек взял в руки последнее письмо, взглянул на конверт, удивленно изогнул брови и нахмурился. Допил херес и, прежде чем распечатывать конверт и читать текст, налил еще стакан.

Письмо оказалось от Джейн Харден.

От Джейн. Нечего надеяться, что та история закончится быстро. Глупо было рассчитывать, что она его отпустит, не создав проблем. Те выходные в Корнуолле показались весьма приятными, но еще до того, как завершились, сэр Дерек понял, что приобрел себе причину для беспокойства. Черт побери – женщины не бывают честными. Разглагольствуют о том, что хотят вести собственную жизнь, набираться, как мужчины, опыта, а затем нарушают правила игры. Он снова взглянул на письмо. Джейн напоминала, что «отдалась» ему (Что за чушь? Она хотела этого не меньше, чем он!), их семьи много веков соседствовали в Дорсете, прежде чем ее отец обанкротился. От обвинения в неверности сэр Дерек вздрогнул и, будучи человеком консервативных взглядов и достаточно порядочным, ощутил неловкость. Джейн писала, что он держит ее за обычную потаскушку. Уж лучше бы она и была такой, раздраженно подумал он. Она сообщала, что собирается поступить на работу в частную клинику. Напишет ли он ей в «Клуб медицинских сестер»? До этого момента автор письма еще держала себя в руках. А затем, О’Каллаган отметил это с чувством, похожим на страх, ее пером овладели бьющие через край эмоции. Она любила его и вопрошала, что ей теперь делать. Неужели им обоим остается обо всем забыть? Джейн, как умела, боролась со своей душой, но не было ничего безнадежнее этой борьбы. Дьявол рвал ее душу на части, и если О’Каллаган ее бросит, дьявол ею овладеет. Джейн повторила, что любит его, и если он продолжит ее не замечать, она совершит нечто ужасное. Внезапным нетерпеливым жестом сэр Дерек скомкал письмо и швырнул в камин.

– Проклятие! – воскликнул он. – Проклятие!

В дверь тихонько постучали, и она открылась ровно настолько, чтобы показались большой нос, бесформенный рот, скошенный подбородок и огромная серьга.

– Проблемы в правительстве, Дерри? – прозвучал кокетливый голос. – Государственные дела?

– Заходи, Рут, – произнес сэр Дерек О’Каллаган.

Лекарство без рецепта

Пятница, пятое. Вечер

Следующую неделю министр внутренних дел придерживался обычного распорядка. Он более или менее привык к приступам боли, хотя они стали чаще и бывали мучительнее. Он обещал себе, что обратится к врачу на следующий день после того, как представит законопроект в парламент. А пока, когда боль грозила стать невыносимой, глотал по три таблетки аспирина и становился все более подавленным и угнетенным. И все реже вспоминал о письме Джейн Харден.

Сестра Рут, сама ипохондрик, постоянно навязывала ему какие-то странные пилюли, таблетки и капли. Завела привычку заходить к Дереку после обеда с пакетами из аптеки и сводящими с ума советами и соболезнованиями. В пятницу вечером он удалился к себе в кабинет, попросив жену, если появится Рут, сообщить ей, что он очень занят и его нельзя беспокоить. Жена некоторое время смотрела на него, а затем предложила:

– Велю Нэшу сказать, что нас обоих нет дома.

Министр помолчал и смущенно попытался объяснить:

– Мне с ней как-то...

– Она мне тоже надоела, – призналась жена.

– Однако, Сесиль, она чрезвычайно добра. Не лучше ли будет...

– Следовательно, ты ее примешь?

– Ни в коем случае.

– Вот и отлично, Дерек. Значит, я дам указание Нэшу. Боли тебя в последнее время тревожили?

– Еще как. Спасибо, что интересуешься.

– Поэтому ты такой раздражительный. Глупо с твоей стороны не показаться врачу.

– Я же тебе говорил, что пойду к Джону Филиппсу, как только пройдет мой законопроект.

– Решать, конечно, тебе. Сказать Нэшу, чтобы подал кофе тебе в кабинет?

– Да, пожалуйста.

– Хорошо. – Она так отчужденно произнесла это «хорошо», словно хотела показать, насколько ей было скучно слушать все, что он говорил. – Спокойной ночи, Дерек. Я лягу рано и тебя не потревожу.

– Спокойной ночи, Сесиль.

Она шагнула к нему. По неловкости его поцелуй пришелся не в щеку, а в губы. У Дерекда даже возникла мысль, что надо бы извиниться, но он лишь повторил «Спокойной ночи» и отправился в кабинет.

Там его ждал секретарь Рональд Джеймсон. Он только что окончил Оксфорд, был энергичным молодым человеком, но не из тех, кто чересчур усердствует. Работал хорошо и отличался смышленостью. О'Каллаган считал его вполне сносным секретарем и даже располагающим к себе человеком. Но нынешним вечером вид Джеймсона вызвал в нем раздражение и поверг в уныние.

– Что вам, Рональд? – Сэр Дерек опустился в кресло и потянулся за сигарой.

– Звонил сэр Джон Филиппс. Он хотел бы, если вы свободны, зайти к вам сегодня вечером.

– Филиппс? Ему кто-нибудь говорил обо мне? Что ему надо? Это профессиональный визит?

– Не думаю, сэр. Сэр Джон не упоминал о вашем... нездоровье.

– Позвоните ему и скажите, что я с удовольствием приму его. Что-нибудь еще?

– Эти письма... пришло еще одно с угрозой. Позвольте, сэр, я позвоню в Скотленд-Ярд.

– Нет. Это все?

– Было всего одно письмо с пометкой «личное», я положил его на стол.

– Будьте добры, подайте мне.

Джеймсон принес письмо, О'Каллаган посмотрел на конверт, и у него возникло ощущение, словно он проваливается вниз в кабине лифта. Письмо было от Джейн Харден. Он уронил руку с зажатым между пальцами конвертом и остался сидеть, глядя на огонь, с незажженной сигарой во рту. Рональд Джеймсон застыл в неловком ожидании. Наконец, достав зажигалку, поднес ее к сигаре О'Каллагана.

– Благодарю вас, – рассеянно проговорил тот.

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Джеймсон немного поколебался, беспокойно глядя на побелевшее лицо своего работодателя, затем, вспомнив, что Джон Филиппс ждет ответа, вышел.

После того как дверь за секретарем закрылась, О'Каллаган сидел, глядя в камин. Затем с невероятным усилием заставил себя прочитать письмо. На сей раз Джейн Харден не умоляла, а горько и яростно обвиняла. Писала, что она на грани самоубийства. Добавляла, что если бы представилась возможность, то не задумываясь убила бы его.

«Не попадайтесь мне на пути. Предупреждаю ради себя, а не ради вас.

Я серьезно. От таких мужчин, как вы, Дерек, лучше держаться подальше.

Это мое последнее слово.

Джейн Харден».

О'Каллаган представил, как это письмо появляется на страницах бульварной газеты. Затем с удивлением услышал, что жена за дверью говорит с его секретарем. Что-то в ее голосе привлекло его внимание, и он прислушался.

– ...его что-то тревожит.

– Я тоже так считаю, леди О'Каллаган, – тихо произнес Рональд.

– ...в чем дело... из-за каких-нибудь писем?

– Сегодня показался особенно расстроенным... Конечно, этот законопроект...

Сэр Дерек встал, пересек комнату и распахнул дверь. Сесиль и Рональд Джеймсон с заговорщическим видом смотрели друг на друга. Когда дверь открылась, они повернулись к нему. Секретарь покраснел и быстро перевел взгляд от мужа к жене, а Сесиль все так же спокойно продолжала смотреть на него. О'Каллаган почувствовал, что его от злости начинает колотить дрожь.

– До сих пор, – сказал он Джеймсону, – у меня не было оснований полагать, что вы не понимаете конфиденциального характера своей работы. Очевидно, я ошибся.

– Прошу прощения, сэр Дерек... это произошло, потому что...

– Вы не вправе ни с кем обсуждать мои дела. Ни с кем! Ясно?

– Да, сэр.

– Не будь смешным, Дерек, – произнесла Сесиль. – Я задала мистеру Джеймсону вопрос, и он не мог на него не ответить. Мы оба беспокоимся о тебе.

О'Каллаган дернул головой, давая понять секретарю, чтобы тот ушел. Поклон Джеймсона получился каким-то жалким. Он направился в свою комнату, задержался на пороге и, снова пробормотав извинения, скрылся.

– Послушай, Дерек, – проговорила леди О’Каллаган. – Мне кажется, ты ведешь себя неразумно. Я только спросила этого несчастного молодого человека, не получал ли ты каких-нибудь писем, которые могли бы стать причиной твоего необъяснимого поведения. И он ответил, что с сегодняшней почтой пришло некое письмо, и оно, видимо, тебя расстроило. Что за письмо, Дерек? Новая угроза тех типов – анархистов?

Министр был не настолько зол, чтобы не уловить новые нотки в голосе жены.

– Подобные угрозы – неслыханная наглость, – поспешно продолжила она. – Не понимаю, почему ты не разберешься с этими людьми.

– Письмо не имеет к ним никакого отношения, а мое, как ты выразилась, «необъяснимое поведение» никак не связано с этим письмом. Я нездоров и встревожен своим состоянием. Может, тебя обрадует, если я скажу, что сегодня вечером ко мне придет Джон Филиппс?

– Рада слышать.

Прозвенел дверной звонок, и супруги недоуменно переглянулись.

– Рут? – недовольно прошептала леди О’Каллаган.

– Меня нет, – быстро проговорил Дерек, почувствовав, что больше не сердится на жену. – Тебе тоже лучше скрыться, Сесиль.

Она быстро направилась к его кабинету, и муж последовал за ней. Снизу донесся звук – Нэш открывал дверь.

– Сэра Дерек и супруги нет дома, мадам.

– Однако свет в кабинете горит.

Супруги обменялись испуганными взглядами.

– Вероятно, там мистер Джеймсон.

– Именно его я и хотела повидать.

Нэш растерянно пробормотал что-то. Затем они услышали стук, с которым зонт мисс Рут О’Каллаган занял свое место в стойке. Не сговариваясь, супруги подошли к камину, и леди О’Каллаган закурила.

Открылась дверь, и появилась Рут. За ней мелькнуло страдающее лицо Нэша.

– Вот вы где, дорогие. А Нэш сказал, что вы ушли.

– Нас только «нет дома», дорогая, – объяснила Сесиль. – Дерек ждет врача. Нэш сглупил, не сообразив, что вас это не касается.

– Ах вот как! – воскликнула Рут. – Нет, Дерри, дорогуша, тебе таким способом не избавиться от своей старушки сестры. Я пришла специально к тебе, и сильно рассержусь и жутко обижусь, если ты не выполнишь мою просьбу.

Она порылась в бездонной сумке и извлекла из ее глубин знакомый запечатанный белый пакет.

– Рут, я не могу глотать любое лекарство, которое попадает тебе на глаза!

– А я и не жду, что ты меня послушаешься. Понимаю, ты считаешь, что твоя старушка сестра выжила из ума. Но она знает, что полезно ее большому знаменитому брату. Сесиль, вас он послушается. Убедите его принять один малюсенький порошок. Они просто замечательные. Вот, прочитайте письма...

Нетерпеливыми, неловкими пальцами она распаковала пакет, где лежала круглая зеленая коробочка, украшенная изображением обнаженного мужчины, перед которым было нарисовано нечто напоминающее разряд электрического тока.

– Порошков всего шесть, – возбужденно продолжила Рут. – Но уже после первого отмечается заметное улучшение. «Живительные вольты». Пришли сот-ни писем от терапевтов, хирургов, политиков – да-да, Дерри, от многих политиков. Они буквально молятся на эти порошки. Не поверишь: у них были абсолютно те же симптомы, что у тебя.

Ее напористость вызывала жалость. И вся она, со своими толстыми руками, водянистыми глазами и огромным носом, казалась неуклюжей и неукротимо пылкой.

– Рут, ты же не знаешь, какие у меня симптомы!

– Еще как знаю. Сильные схватки в животе. Сесиль, прочитайте все, что здесь написано.

Леди О'Каллаган взяла коробочку и посмотрела на капсулу с лекарством.

– Дам ему сегодня на ночь, – пообещала она, словно потакая раскапризничавшемуся ребенку.

– Супер! – Рут имела привычку вворачивать в свою речь жаргонные словечки. – Рада до ужаса. Утром все твои боли исчезнут. – Лучезарно улыбнувшись, она сделала рукой неопределенный жест.

– А теперь, моя старая девочка, боюсь, что улетучиться придется тебе. – Сэр Дерек тщетно пытался подстроиться под ее легкомысленный тон, изображая братскую игривость. – Кажется, я слышу, что ко мне явился Филиппс.

– Пойдемте, Рут, – предложила Сесиль. – Нам пора удалиться. Спокойной ночи, Дерек.

Рут приложила к губам шишковатый палец и притворно жеманно на цыпочках направилась к двери, но на пороге повернулась и послала брату воздушный поцелуй. Дерек услышал, как они поздоровались с сэром Джоном Филиппсом и стали подниматься по лестнице. Обрадовавшись, что избавился от сестры, О'Каллаган с удовольствием предвкушал дружескую встречу со своим старинным приятелем. Вот уж поистине будет настоящим облегчением рассказать ему, каким больным себя чувствует, и выслушать, насколько он действительно болен. Может, Филиппс даст ему какое-нибудь лекарство, которое хоть на время поможет. Ему уже стало немного лучше. Его болезнь скорее всего пустяк. Филиппс во всем разберется. В приятном ожидании сэр Дерек повернулся к двери. Створки распахнулись, и появился Нэш.

– Сэр Джон Филиппс, сэр.

Врач вошел. Высокий мужчина, он привычно горбился. С тяжелыми веками глаза необыкновенного светло-серого цвета были пронзительно блестящими. Никто не видел его без монокля, и ходил слух, будто и во время операций он держится у него в глазу без шнурка. Нос походил на клюв, а нижняя губа хищно выпячивалась вперед. Он был не женат и никем не увлечен, поэтому поговаривали, что все пациентки в него влюблялись. Видимо, медики уступали лишь актерам в выигрыше от того, что обладали тем странным качеством, которое зовется индивидуальностью. Сэр Джон Филиппс был личностью. И его резкость очаровывала не меньше известности, которую он заработал благодаря своим блестящим способностям.

О'Каллаган шагнул к нему и протянул руку:

– Филиппс, рад вас видеть!

Врач сделал вид, будто не заметил его руки, и неподвижно стоял, пока за Нэшем не закрылась дверь. И только тогда заговорил:

– Ваша радость уменьшится, когда узнаете, с чем я явился.

– Не понимаю. О чем вы говорите?

– Я с трудом могу поверить, что вообще говорю с вами.

– Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Именно то, что сказал. Я обнаружил, что вы мерзавец, и пришел заявить вам об этом.

Несколько мгновений О'Каллаган молча смотрел на него, а затем произнес:

– Вы серьезно? Вы пришли только для того, чтобы меня оскорбить, и тут же уйдете? Или я имею право получить объяснения?

– Вот вам объяснения, всего в двух словах: Джейн Харден.

Наступило долгое молчание, мужчины обжигали друг друга взглядами. Наконец О'Каллаган отвернулся. На лице появилось упрямое, обиженное выражение, и на него стало смешно и неприятно смотреть.

– А что такого с Джейн Харден? – спросил он.

– А то, что она медсестра в моей больнице. И долгое время ее счастье очень много для меня значило. Я просил ее руки. Она много раз мне отказывала. Сего-дня объяснила почему. Вы, судя по всему, воспользовались дружбой с ее отцом и их нынешним бедственным финансовым положением. Разыграли роль старого друга семьи и одновременно дамского угодника.

– Не представляю, о чем вы.

– Не лгите, О'Каллаган!

– Послушайте...

– Мне известны факты.

– Что за историю вам про меня наплели?

– Таковую, что я кинулся сюда в ярости, какой прежде не испытывал. Я знаю все, что касается... вашей дружбы с ней. Вы, как я вижу, забавлялись. Терпеть не могу преувеличений, но полагаю, не будет преувеличением утверждать, что вы искалечили Джейн жизнь.

– Сентиментальная болтовня! – О'Каллагану не хватало воздуха. – Она современная женщина, и ей лучше знать, как проводить время.

– Чушь! – Филиппс побелел как мел, но продолжил ровным тоном: – Если под словами «современная женщина» вы понимаете «распущенная женщина», то должны сознавать, что это просто ложь. В ее жизни это единственный эпизод подобного рода. Она в вас влюбилась, а вы дали ей повод подумать, что отвечаете взаимностью.

– Ничего подобного! У меня не было никаких оснований считать, что она придает тому, что произошло, большее значение, чем я. Вы говорите, она в меня влюбилась? Если это так, я глубоко сожалею. Однако не думаю, что это правда. Чего она хочет? – О'Каллаган запнулся, на лице появилось испуганное выражение. – Она же не беременна?

– О нет. И у нее нет к вам претензий. Юридических претензий. А что такое моральные обязательства, это вам неизвестно.

– Я послал ей триста фунтов. Что еще ей надо?

– Я еле сдерживаюсь, чтобы не ударить вас, О'Каллаган. Поэтому будет лучше, если я уйду.

– Проваливайте. Чем вы недовольны? Не горите желанием на ней жениться? Существует другой выход. Дело нетрудное – у меня все получилось очень легко.

– Свинья! – взревел Джон Филиппс. – Боже... – Он осекся, его губы дрожали, но он взял себя в руки и заговорил спокойнее: – Держитесь от меня подальше. Предупреждаю: если представится возможность, я без колебания вас раздавлю.

Что-то в лице О'Каллагана заставило его прервать угрозы. Министр внутренних дел смотрел поверх него на дверь.

– Извините, сэр, – тихо проговорил Нэш и пересек комнату с подносом, на котором стояли бокалы и графин. Бесшумно поставив поднос, он сделал шаг к двери. – Будут еще приказания?

– Сэр Джон Филиппс нас покидает. Проводите его.

– Слушаюсь, сэр.

Врач круто повернулся и молча вышел из комнаты.

– Доброй ночи, Нэш, – произнес О'Каллаган.

– Доброй ночи, сэр, – тихо ответил дворецкий и, последовав за Филиппсом, закрыл за собой дверь.

Министр резко вскрикнул от боли, спотыкаясь, подошел к креслу и, опершись на подлокотник, согнулся пополам. Минуту или две он не мог пошевелиться, затем сел и налил себе виски. Его взгляд упал на порошки, которые принесла Рут. Дрожащей рукой он высыпал один из них в виски и проглотил вместе со спиртным.

Что последовало за сценой в доме

Четверг, одиннадцатое. После полудня

Министр внутренних дел немного помедлил и обвел взглядом зал. Море жутких, расплывающихся лиц. Они играли с ним все ту же шутку: сливались, как клетки под микроскопом, – затем одно из лиц выделялось, становилось четким и глядело на него. «Я осилю, – подумал он. – Всего один параграф». И поднял лист. Текст свивался и скручивался, словно в водовороте. О’Каллаган услышал собственный голос. Он, должно быть, выступал.

– В свете беспрецедентной пропаганды...

Они слишком шумят.

– Господин председатель...

Он поднял голову. А вот этого делать не следовало. Море лиц дрогнуло и быстро-быстро завертелось. Слабый голос, наверное, где-то на самой галерке произнес:

– Ему плохо...

Он не почувствовал, как повалился на стоящий перед ним стол. Не услышал выкрика с задних скамей: «Тебя сейчас так прихватит, что и думать забудешь про свой проклятый закон!»

– Кто его врач?

– Доктор Джон Филиппс. Они старинные приятели.

– Филиппс? Тот, что владеет частной клиникой на Брук-стрит?

– Понятия не имею.

– Надо позвонить леди О’Каллаган.

– Если хотите, я позвоню. Я с ней знаком.

– Он приходит в себя?

– Нет. Тилотли пошел вызывать «Скорую помощь».

– Тилотли здесь. Вы вызвали «Скорую помощь»?

– Врачи едут. Куда вы собираетесь его отправить?

– Кутберт позвонит его жене.

– Господи, он выглядит совсем плохо.

– Вы слышали, как тот тип крикнул с задних рядов?

– Да. Кто он такой?

– Не знаю. Послушайте, вы считаете, в этом есть нечто подозрительное?

– Вздор!

– Здесь доктор Уэндовер. Я и не знал, что он в парламенте.

Все отступили от О’Каллагана. Сквозь толпу протиснулся коренастый мужчина небольшого роста – коммунист от севера Англии – и опустился на колени.

– Откройте, пожалуйста, окна, – попросил он и расстегнул на О’Каллагане одежду.

Публика благоговейно следила за его действиями. Через пару минут врач обвел взглядом сгрудившихся вокруг него людей.

– Кто его лечащий врач? – спросил он.

– Кутберт считает, что сэр Джон Филиппс.

– Филиппс хирург. А это как раз случай для хирурга.

– В чем дело, доктор Уэндовер?

– Похоже на острый аппендицит. Нельзя терять времени. Необходимо позвонить в частную клинику на Брук-стрит. Жену ждать не будем.

Кто-то крикнул от двери:

– Приехали врачи «Скорой помощи».

– Отлично. Больной здесь.

Появились двое мужчин с носилками. Министра погрузили на них, накрыли и вынесли из палаты. Вбежал Кутберт и произнес:

– Точно, это Филиппс. Жена О'Каллагана хочет, чтобы мужа доставили в его клинику.

– Его туда и повезут, – отозвался доктор Уэндовер и удалился вслед за врачами «Скорой помощи».

О'Каллаган пытался прийти в себя и немного успокоиться. Поблизости возникло лицо жены, затем растворилось. Рядом раздавались стоны. Кто-то лежал с ним в кровати и стонал.

– Боль совсем нестерпима? – прозвучал голос.

– Да.

– Врач скоро придет и что-нибудь даст, чтобы снять боль.

О'Каллаган сообразил, что стонавшим человеком был он сам. Лицо Сесиль приблизилось.

– Доктор идет, Дерек.

Он закрыл глаза, давая понять, что расслышал.

– Бедолага Дерри, несчастный старина.

– Я оставлю вас с ним на минуту, леди О'Каллаган. Если что-нибудь потребуется, позвоните. Мне кажется, я слышу голос сэра Джона. – И дверь закрылась.

– Боль очень сильная, – четко проговорил О'Каллаган.

Две женщины переглянулись. Леди О'Каллаган пододвинула стул к кровати и села.

– Ждать недолго, Дерек, – сдержанно сказала она. – Дело в твоем аппендиксе.

– Ох!

Рут что-то прошептала.

– Что говорит Рут?

– Не имеет значения. Это всего-навсего старая глупая Рут.

О'Каллаган что-то пробормотал, закрыл глаза и как будто уснул.

– Сесиль, дорогая, я знаю, вам мои фантазии кажутся смешными, но все-таки послушайте. Как только я узнала о Дерри, сразу направилась к Гарольду Сейджу. Это тот замечательный молодой фармацевт, о котором я вам рассказывала. Я объяснила, в чем дело, и он дал мне средство, которое, по его словам, немедленно снимет боль и не причинит никакого вреда. Его собственное изобретение. Пройдет несколько месяцев, и его станут применять во всех больницах.

Рут принялась рыться в сумке.

– Предложите, если вам угодно, сэру Джону, – посоветовала Сесиль. – Без его квалифицированного разрешения предпринимать ничего нельзя.

– Доктора такие твердолобые, уж мне ли этого не знать. Гарольд мне такое рассказал...

– Вы как будто крепко подружились с этим молодым человеком.

– Он меня чрезвычайно заинтересовал, Сесиль.

– Вот как?

Вернулась медсестра.

– Леди О'Каллаган, сэр Джон зовет вас на минуту.

– Спасибо, иду.

Оставшись наедине с братом, Рут тихонько похлопала его по руке. Сэр Дерек открыл глаза.

– Боже, Рут, как мне больно.

– Потерпи немного, Дерри. Сейчас я тебе помогу.

Она отыскала маленький пакетик, а графин с водой оказался рядом.

Прошло несколько минут, и в палату в сопровождении сестры вошел Филиппс.

– Сэр Джон намерен провести осмотр, – спокойно объяснила медсестра Грэм. – Не присоединитесь ли вы на несколько минут к леди О’Каллаган?

– Это не займет много времени, – добавил врач и открыл дверь.

Рут бросила на брата смущенный, виноватый взгляд, поднялась и, неуклюже ступая, вышла в коридор.

О’Каллаган снова потерял сознание. Сестра Грэм обнажила его живот, и Филиппс принялся своими длинными пальцами надавливать на него в разных местах.

– Довольно, – внезапно произнес он. – Похоже на перитонит. Он в плохом состоянии. Я предупредил, что нам может потребоваться операция.

Медсестра накрыла больного и по кивку хирурга привела ожидавших за дверью женщин. Как только они оказались в палате, Филиппс повернулся к леди О’Каллаган и сказал, не глядя на нее:

– Операцию будем проводить немедленно. Вы позволите мне связаться с Сомерсетом Блэком?

– А вы сами, сэр Джон? Разве вы не сделаете ее сами?

Филиппс подошел к окну и выглянул на улицу.

– Вы хотите, чтобы оперировал я?

– Разумеется. Мне известно, что некоторые хирурги не любят оперировать друзьями, но если у вас нет такого предчувствия, я прошу вас оперировать.

– Хорошо.

Филиппс вернулся к больному.

– Сестра, – позвал он, – скажите, чтобы нашли доктора Томса. Его предупреждали, что может потребоваться срочная операция. Позвоните доктору Грею и позаботьтесь об анестезии. Позже я поговорю с ним. Передайте старшей сестре в операционной, что я приступаю к операции, как только у них все будет готово. А теперь, леди О’Каллаган, если вы не против покинуть больного, медсестра покажет вам, где можно подождать.

Медсестра открыла дверь, и все отошли от кровати, но на пороге застыли от сдавленного крика и обернулись. Дерек О’Каллаган открыл глаза и, словно загипнотизированный, смотрел на Филиппса.

– Нет, – выдавил он. – Не позволяйте...

Его губы задергались, с них слетел странный, жалобный звук. Секунду или две он старался что-то выговорить, затем его голова откинулась назад.

– Пойдемте, леди О’Каллаган, – мягко промолвила медсестра. – Он не понимает, что говорит.

В предоперационной старшая медсестра с двумя младшими хирургическими сестрами готовились к операции.

– Не забудьте, – поучала старшая медсестра Мэриголд, которая являлась также сестрой-хозяйкой, – сэр Джон любит, чтобы инструменты лежали на лотке слева от него. Он не терпит, чтобы их ему подавали.

Она накрыла лоток с инструментами, и Джейн Харден унесла его в операционную.

– В подобных случаях, как этот, – продолжила старшая сестра, – на хирурге лежит огромная ответственность. Для страны было бы огромной катастрофой, если бы с сэром Дерексом О’Каллаганом что-нибудь случилось. По-моему, он единственный решительный в правительстве человек.

Сестра Бэнкс, женщина старше своей начальницы, повернулась от автоклава, где стерилизовались инструменты.

– Тиран, каких свет не видывал, – неожиданно заявила она.

– Сестра, что вы такое говорите? – удивилась Мэриголд.

– Мое понимание политики не совпадает с пониманием сэра Дерекка О'Каллагана, и я не возражаю, если об этом будут знать другие.

Из операционной вернулась Джейн Харден. Мэриголд бросила на сестру Бэнкс возмущенный взгляд и обратилась к Джейн:

– Сестра, вы позаботились о растворе гиосцина и ампуле с антитоксином газовой гангрены?

– Да, старшая сестра.

– Господи, деточка, вы совершенно побелели. Вы в порядке? – спросила Мэриголд Харден.

– Вполне. Спасибо, – ответила Джейн. Она занималась с банками со стерильным перевязочным материалом.

Старшая сестра бросила на нее взгляд и снова напустилась на Бэнкс:

– Всем известно, сестра, что вы та еще бунтарка. Но, сталкиваясь с истинным величием, невозможно его отрицать. Для меня сэр Дерек воплощает идею человека.

– Вот поэтому он личность тем более зловещая, – объявила сестра Бэнкс с неприкрытой враждебностью. – Попав в правительство, он совершал много плохого. Вспомните прошлогодний закон о непостоянном трудоустройстве. На нем лежит ответственность за все смерти, случившиеся в последние десять месяцев от недоедания. Он враг рабочих. Была бы моя воля, его бы судили как обыкновенного убийцу или маньяка. Этого человека следует признать невменяемым. В его жилах течет гнилая кровь. Всем известно, что его отец был со сдвигом. Вот что я думаю о вашем Дерекке О'Каллагане, купившем себе титул на кровавые деньги. – Сестра Бэнкс с грохотом расставляла лотки со стерильными инструментами.

– Тогда ответьте, – голос сестры Мэриголд звучал нарочито спокойно, – с какой стати вы работаете на сэра Джона Филипса? Может, он тоже купил себе титул на кровавые деньги?

– Пока существует эта прогнившая система, приходится в ней жить, – усмехнулась Бэнкс. – Но так будет не вечно. И когда настанет время, я первая заявлю о себе. О'Каллагану придется уйти, а вместе с ним всем кровососам из буржуазной партии. Людям стало бы намного лучше, если бы он исчез прямо сейчас. Вот так-то, старшая сестра.

– Было бы еще лучше, если бы исчезли вы. Будь у меня свободная хирургическая сестра, я бы обошлась без вас. Стыдитесь! Говорить подобное о больном! О чем вы только думаете?

– Кровь кипит – ничего не могу с собой поделаться.

– Уж слишком много в ваших речах крови!

Всем своим видом показывая, что хоть и вынуждена умолкнуть, но отнюдь не побеждена, сестра Бэнкс взялась за столик со шприцами для инъекций и покатила в операционную.

– Говорю вам, сестра Харден, – сказала Мэриголд, глядя ей вслед, – мне стыдно за эту женщину. Какая мстительность! Ей здесь не место! Еще, чего доброго... – Старшая сестра замолчала, не в состоянии произнести вслух то, что пришло ей в голову.

– Нет, – возразила Джейн. – Скорее уж я могла бы ему как-нибудь навредить, чем она.

– Совершенно исключено, – смягчаясь, заявила старшая сестра. – Вы, Харден, лучшая ассистентка в операционной. Это весомый комплимент, моя дорогая, поскольку я человек очень придирчивый. У нас все готово? А вот и врачи.

Джейн сложила руки за спиной и застыла по стойке «смирно». Сестра Мэриголд излучала спокойствие знающего свое дело человека. Сестра Бэнкс на мгновение мелькнула на пороге и снова скрылась в операционной.

Сэр Джон Филипс вошел в сопровождении Томса, своего ассистента, и анестезиолога. Томс был полным, краснолицым, не в меру оживленным человеком. Доктор Робертс,

наоборот, худощавым, с льяными волосами и пренебрежительными манерами. Он снял очки и протер стекла.

– Все готово, старшая сестра? – спросил хирург.

– Да, сэр Джон.

– Доктор Робертс займется анестезией. Доктор Грей занят. Нам повезло, Робертс, что мы получили вас так быстро.

– Рад помочь, – ответил тот. – В последнее время я часто выполнял работу Грея. Для меня большая честь и полезный опыт работать под вашим руководством, сэр Джон.

Он говорил с подчеркнутой официальностью, словно продумывал каждую фразу и только затем выкладывал собеседнику.

– Прежде чем начать, мне хотелось бы взглянуть на наркозную палату.

– Разумеется.

Вновь появилась кипящая злобой Бэнкс.

– Сестра Бэнкс, – приказала ей Мэриголд, – отправляйтесь с доктором Робертсом в наркозную палату.

Робертс взглянул, прищурившись, на Бэнкс и по-следовал за ней.

Сэр Джон вошел в операционную и приблизился к небольшому, выкрашенному белой эмалью столу, на котором лежали разнообразные средства для гиподермальных инъекций. Три шприца находились в лотке со стерильной жидкостью. Два из них были такого размера, к которому привыкли не посвященные в хирургию люди. Третий же был настолько велик, что могло показаться, будто им пользуются в ветеринарии, а отнюдь не для человеческих нужд. Маленькие содержали по двадцать пять минимов, большой – раз в шесть больше. Ампула, бутылка, небольшая колба, мензурка – эти предметы тоже находились на столе. Бутылка была помечена: «0,25-процентный раствор гиосцина. Пять минимов содержат одну тысячную грана». На ампуле стояла надпись: «Антитоксин газовой гангрены (концентрированный)». В колбочке содержалась стерильная вода.

Филиппс достал из кармана маленькую коробочку и вынул из нее крошечную пробирку с надписью «Гиосцин 1/100 гр.». Наклейка полностью скрывала то, что находилось в пробирке. Хирург откупорил пробку, тщательно исследовал внутренность, положил и взял из коробочки другую с такой же надписью. Пальцы действовали неуверенно, словно мысли врача витали где-то далеко. Наконец он наполнил маленький шприц стерильной жидкостью, вылил в мензурку, добавил туда же гиосцин и, размешав иглой, набрал раствор.

В операционную вошел Томс.

– Пора мыться, сэр. – Он взглянул на стол. – Э, да вы собираетесь его здорово попотчевать. Сразу две пробирки!

– Одна оказалась пустой. – Филиппс убрал их со стола и вернул в коробочку.

Томс посмотрел на шприц.

– Вы набрали много воды, сэр, – заметил он.

– Да.

Хирург взял шприц и направился в наркозную палату, а Томс с выражением отрешенности, которое люди напускают на себя, если хотят притвориться, будто не замечают пренебрежительного к себе отношения, застыл, глядя на стол. Через несколько минут он присоединился к остальным в предоперационной. Филиппс уже вышел туда из наркозной палаты.

Сестры Харден и Мэриголд помогли хирургам перевоплотиться в образчики стерилизованных механизмов. Вскоре помещение представляло собой строгое сочетание белого, стального и резиново-коричневого. Есть нечто отталкивающее и одновременно прекрасное в абсолютно белом. Отрицание цвета, выражение холодного равнодушия, символ смерти. В белом меньше чувственной радости, чем в любом другом цвете, и больше напоминания о вечном упокоении. Хирург в белом одеянии, прячущий теплоту рук под холодной блестя-

щей резиной и жизненную энергию волос под белой шапочкой, скорее типаж в современной скульптуре, нежели человеческое существо. Для непосвященного он некто вроде перенесенного на небеса праведника, жрец в священных одеждах, пугающая и завораживающая фигура.

– Видели новое представление в «Палладиуме»? – спросил Томс. – Черт, порвал перчатки. Сестра, дайте другие.

– Нет, – ответил Джон Филиппс.

– Одноактная пьеса. Дело происходит в помещении перед операционной. Известному хирургу предстоит оперировать человека, который разрушил его жизнь и соблазнил жену. Вопрос: погрузит ли он скальпель в больного? Вот такая страшилка. По-моему, чушь.

Филиппс медленно повернулся и пристально по-смотрел на него. Джейн сдавленно вскрикнула.

– В чем дело, Джейн? – спросил Томс. – Вы ее видели? Слушайте, я дождусь перчаток?

– Не видела, сэр, – пробормотала медсестра.

– Играют неплохо, хотя по поводу наших профессиональных дел их следовало бы просветить. А вот ситуация исключительно надуманная. Что ж, надо приниматься за дело... – Не переставая болтать, он пошел в операционную и через минуту-другую позвал туда старшую сестру.

– Джейн! – Хирург посмотрел на девушку.

– Что?

– Это очень... очень сомнительное дело.

– Возможно, возмездие, – отозвалась сестра Харден.

– Что вы хотите сказать?

– О, ничего, – грустно произнесла она. – Похоже на греческую трагедию «Судьба отдает в наши руки врага». Хотя мистер Томс решил бы, что ситуация надуманна.

Филиппс медленно мыл руки в тазике со стерильной водой.

– Я ничего не знал о его болезни. Простая случайность, что я оказался здесь в этот час. Только-только вернулся из больницы Святого Иуды. Пытался отвертеться от операции, но его жена настояла. Она понятия не имеет, что мы поссорились.

– Тем более вряд ли ей известно, почему вы поссорились.

– Я все бы отдал, чтобы меня тут не было.

– И я тоже. Как вам кажется, какие я испытываю чувства?

Хирург стряхнул воду с перчаток и, держа руки перед собой, повернулся к Джейн. В это время он являл собой гротескную и где-то даже трогательную фигуру.

– Джейн, – прошептал он, – вы не передумали? Я так вас люблю.

– Нет, – ответила она. – Он мне омерзителен, я не желаю больше его видеть, но до тех пор, пока он жив, не могу выйти за вас замуж.

– Я вас не понимаю, – тяжело вздохнул хирург.

– Я сама себя не понимаю. Где уж вам меня понять?

– Я не остановлюсь – буду снова и снова просить вашей руки.

– Это ни к чему не приведет. Сознаю, я веду себя странно, но пока он здесь, я его заложница.

– Безумие! После того, как он с вами так поступил – он же вас отверг...

Джейн хрипло рассмеялась.

– О да! Все в соответствии с викторианской традицией. Я «опороченная девушка».

– Так продолжайте придерживаться викторианской традиции и позвольте мне сделать из вас «честную женщину».

– Постараюсь вести себя с вами как честная женщина. Объяснить то, что необъяснимо и унижительно. Я сказала ему, что хочу вести собственную жизнь – набираться опыта. Я

обманывала себя, так же как и его, а в глубине души сознавала, что всего лишь дурочка, потерявшая голову вместе с сердцем. После того как все произошло, я поняла, как мало значения придает случившемуся он и как много – я. Надо было поддержать игру: пожать друг другу руки и расстаться друзьями – в общем, продолжать жить. И... не смогла. Гордость твердила, что необходимо пересилить себя. А я не сумела. Отвратительная банальность. Я его одновременно любила и ненавидела. Хотела удержать, хотя сознавала, что на это нет ни единого шанса, и жаждала причинить ему боль. Написала и так все ему и выложила. Кошмар продолжается до сих пор. Прошу вас, не заставляйте меня больше говорить на эту тему. Оставьте меня и позвольте, как умею, справляться самой со своей ситуацией.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет. Осторожно, кто-то идет!

Вошли Томс и Робертс и стали мыть руки. Затем Робертс ушел давать больному наркоз. Филиппс встал и посмотрел на своего ассистента.

– Так чем закончилась пьеса? – неожиданно спросил он.

– Что? Ах да... Возвращаемся к прежнему разговору. Неопределенностью. Зритель так и остается в неведении: то ли больной умер от наркоза, то ли его прикончил хирург. Ситуация такова, что никто не может сказать определенно. Хотите проделать то же самое с министром внутренних дел, сэр? А я считал, что вы приятели.

Маска на лице хирурга съежилась, словно он улыбнулся.

– А что? Может возникнуть соблазн.

Сзади послышался шум. Филиппс обернулся и увидел, что от дверей операционной на него пристально смотрит сестра Бэнкс. За ее спиной появилась Мэриголд.

– Позвольте, – холодно произнесла она и прошла мимо.

– Вот что, старшая сестра, – отрывисто проговорил Филиппс. – Я сделал, как обычно, укол гиосцина. Но если, как предполагаю, мы обнаружим развившийся перитонит, нам... мне придется ввести сыворотку крови.

– Разумеется, я не забыла про гиосцин, сэр Джон. Раствор готов, но я заметила, вы приготовили соб-ственную инъекцию.

– Нам не потребуется ваш раствор. Я пользуюсь своими таблетками, чтобы не ошибиться в дозе. У нас все готово?

Хирург вошел в операционную.

– А я считаю, – с недовольным видом заметила Мэриголд, – что готовый раствор подходит большин-ству больных.

– Береженого, как говорится, Бог бережет, – усмехнулся доктор Томс. – Вы же знаете, старшая сестра, что гиосцин – штука весьма деликатная.

В палате потянуло тяжелыми парами эфира.

– Не понимаю, почему сэр Джон так увлекается гиосцином?

– Можно давать меньше анестезирующих препаратов, а после операции он оказывает успокаивающее действие. Я и сам приверженец гиосцина, – важно заметил Томс.

– Какова обычная доза, сэр? – внезапно спросила Бэнкс.

– От одной сотой до двух сотых грана, сестра.

– Так мало?

– Да. Не могу вам назвать минимальную смертельную дозу – она неодинаковая в разных случаях. Но четверть грана наверняка убьет любого.

– Четверть грана, – задумчиво кивнула сестра Бэнкс. – Надо же!

После операции

Четверг, одиннадцатое. К вечеру

Сэр Джон ждал больного в операционной.

Старшая сестра и сестры Джейн и Бэнкс вошли вместе с Томсом. Они остановились у стола – группа одетых в халаты, лишенных всякого выражения автоматов. Все молчали. Послышался скрип колес. Появилась каталка, за которой следовали доктор Робертс и прикрепленная к сэру Дереку сестра-сиделка. Робертс держал на лице больного маску. На каталке лежал министр внутренних дел. Когда его подняли, чтобы переложить на стол, О’Каллаган внезапно быстро и невнятно заговорил:

– Не сегодня, не сегодня, не сегодня, черт возьми, ах, дьявольщина...

Медсестра ушла.

Запах эфира обволакивал стол как фимиам. Доктор Робертс подкатил ближе свое оборудование – аппарат с цилиндрическими баллонами со сжатыми газами в металлической конструкции напоминал гигантский графин. На груди больного укрепили невысокую ширму, не дающую выхода анестезирующим веществам. Томс с интересом покосился на больного и легкомысленно заметил:

– Ну и видок у него. Забавная голова. Что вы об этом думаете, Робертс? Вы ведь в этом деле дока. На днях прочитал вашу книгу. Как четко проступили черты прирожденного душевного расстройства. Его папаша, случайно, не чокнутый?

– Да, – кивнул шокированный Робертс. – Однако, мистер Томс, вряд ли по чертам лица можно выявить признаки наследственного душевного расстройства.

Сестра обложила живот больного стерильной марлей, и министр, со спрятанной за экраном головой, больше не напоминал человека. На столе находился приготовленный для операции объект, и только.

Сэр Джон взял скальпель и сделал первый разрез.

– Перитонит, как и следовало ожидать, – произнес Томс и добавил: – Ого! Перфоративный абсцесс. У этого малого весь букет.

– Отсюда приступы боли, – пробормотал Филиппс.

– Разумеется, сэр. Удивительно, что он так долго продержался. Только взгляните сюда!

– Паршиво. Черт побери, старшая сестра, вы что, оглохли? Я просил щипцы.

Слегка задетая сестра Мэриголд подчеркнуто благопристойно кашлянула. Некоторое время в операционной царило молчание. Пальцы сэра Джона продолжали действовать – нервно, пылливо, уверенно.

– Пульс слабеет, сэр Джон, – внезапно сообщил Робертс.

– Да? Томс, посмотрите-ка сюда.

– Мне не нравится его пульс.

– В чем дело, Робертс? Что с пульсом?

– Слабый. И его вид вызывает опасение. Сестра, приготовьте инъекцию камфары.

Сестра Бэнкс наполнила второй шприц и протянула врачу.

– Пожалуйста, немедленно сделайте инъекцию!

Бэнкс впрыснула камфару.

– Сыворотку, – процедил Филиппс.

– Сыворотку, сестра Харден, – вполголоса приказала старшая сестра.

Джейн подошла к столу с инструментами.

– Ну что же вы? – поторопил Филиппс.

– Сестра! – рассердился Томс. – Что вы копаетесь?

– Извините... я сейчас.

– Большой шприц, – подсказала Бэнкс.

– Да-да, – едва слышно произнесла Джейн и склонилась над столом.

Филиппс закончил зашивать разрез.

– Сестра, – проговорил Томс, – вы когда-нибудь принесете мне шприц? Что с вами такое?

На кончике его носа от волнения появилась капля. Сестра Мэриголд, заметив ее, вытерла кусочком марли.

Держа в руках лоток, Джейн приблизилась к столу. Филиппс, выпрямившись, смотрел на шов. Томс наложил повязку и сделал укол.

– Вот так, – кивнул он. – Трудный случай. Видимо, очень запущенный.

– Скорее всего, – медленно отозвался Филиппс. – Я видел его вчера вечером, но мне и в голову не пришло, что он болен. Ничего не заподозрил.

– Робертс, как его состояние? – спросил Томс.

– Не блестящее.

– Что ж, переложите в кровать, – распорядился хирург.

– И уберите этот лоток! – раздраженно воскликнул Томс стоявшей рядом Джейн.

Она посмотрела Филиппсу в лицо. Словно избегая ее взгляда, он отвернулся. Джейн направилась к столу с инструментами. Ее шаги становились все неувереннее. Она остановилась, покачнулась и упала на покрытый плитками пол.

– Господи, а с девушкой что случилось? – встревожился Томс.

Филиппс пересек операционную и посмотрел на нее.

– В обмороке, – проговорил он под маской, снял испачканные кровью перчатки, отбросил в сторону и опустился рядом с Джейн на колени.

Сестра Мэриголд, кудахтая как возмущенная наседка, позвонила в колокольчик. Бэнкс помогла Томсу накрыть больного и переложить на каталку. Робертс даже не поднял головы и, склонившись над О'Каллаганом, сосредоточенно наблюдал за его состоянием. Вошли две медсестры.

– Сестра Харден упала в обморок, – сообщила Мэриголд.

Они подняли Джейн. Та открыла глаза и посмотрела на них мутным взглядом. Обхватив Джейн с обеих сторон, сестры вывели ее из операционной.

Больного тоже увезли. Филиппс вышел мыться, вслед за ним последовал Томс.

– Итак, сэр, – весело начал ассистент, – похоже, нарушен обычный ход времен. Как правило, в нашей компании самый свирепый – вы. Но сегодня вели себя как голубок, а бедную девчужку отшлепал я. И жалею об этом. Может, ей нездоровилось во время операции?

– Вероятно. – Филиппс открыл кран.

– Раскаиваюсь. Она приятная девушка и хорошая медсестра. Внимательная. Интересно, она обручена?

– Нет.

– Неужели?

Томс помолчал, не выпуская из рук полотенце, и с любопытством посмотрел на хирурга. Сэр Джон невозмутимо и методично мыл руки.

– Незавидное занятие – оперировать друзей, – помолчав, продолжил Томс. – Тем более такого известного друга. В нашей стране достаточно радикально настроенных господ, которые нисколько бы не опечалились, если бы О'Каллаган безвременно ушел из жизни. Я заметил, сэр, вы немного волновались. Никогда раньше не случалось, чтобы у вас дрожали руки.

– Дорогой Томс, с моими руками все в порядке.

– О, простите.

– Вам не за что извиняться. – Сэр Джон снял халат и шапочку и, расчесав волосы, внезапно добавил: – Вы правы: я оперировал без удовольствия.

Томс добродушно усмехнулся и с сочувствием по-смотрел на хирурга.

Открылась дверь, и вошел доктор Робертс.

– Я хотел сообщить, сэр Джон, – начал он. – Состояние больного вызывает опасение. Инъекция камфары немного исправила ситуацию, однако пульс по-прежнему неудовлетворительный. – Анестезиолог беспокойно переводил взгляд с одного хирурга на другого и протирал очки. – Признаюсь, я обеспокоен. Тем более что случай такой ответственный.

– Все случаи ответственные, – заметил Филиппс.

– Разумеется, сэр Джон. Наверное, я волнуюсь, оттого что наш пациент настолько знаменит.

– Вы, Робертс, шпарите прямо по своим книгам! – рассмеялся Томс.

Анестезиолог с сомнением посмотрел на коротышку.

– И тем не менее я встревожен.

– Сейчас зайду посмотрю, – произнес Филиппс. – Разделяю ваше волнение. Томс, пойдете с нами.

– Одну минуту, сэр.

– В его состоянии наблюдается нечто такое, что не вполне ожидалось, – объяснил Робертс и стал перечислять детали.

Хирург внимательно слушал. Томс довольно оглядывал себя в зеркале.

– Я готов. – Он повернулся к Робертсу и весело заметил: – Какой у вас чудной старый стетоскоп!

Тот с гордостью посмотрел на трубку – старомодный инструмент с прямой рукояткой, отмеченный насечками через каждую четверть окружности.

– Не променяю на самый новейший и лучший, какой имеется в продаже, мистер Томс.

– Знаете, похож на те старинные счетные палочки, на которых насечки означали долги. Для чего служат эти бороздки?

Робертс, смутившись, поднял голову и неодобрительно посмотрел на хирурга.

– Боюсь, вы сочтете меня слишком тщеславным.

– Ладно вам, колитесь, – не унимался Томс. – Что вы на нем считаете: количество загубленных душ или пациентов из миллионеров?

– О нет. Хотя, в сущности, он действительно счетная палочка. Здесь отмечено число больных серьезными сердечными недугами, которым я успешно сделал анестезию.

Томс разразился хохотом, и Робертс покраснел как школьник.

– Вы готовы? – холодно осведомился Филиппс.

Все трое вышли.

В операционной старшая сестра Мэриголд, сестра Бэнкс и еще одна сестра, явившаяся к ним на подмену, убрали помещение и готовились к очередной операции – бронхоскопии, которую должен был выполнить специалист по гортани.

– Две срочные операции за один вечер, – со значительным видом заметила старшая сестра. – На нас большой спрос. Сколько времени?

– Шесть тридцать пять, – ответила Бэнкс.

– Что приключилось с Харден? – спросила та, что явилась на подмогу.

– Понятия не имею, – отрезала Мэриголд.

– Зато я имею, – мрачно вставила Бэнкс.

Старшая сестра бросила на нее взгляд, в котором любопытство боролось с чувством собственного достоинства. Достоинство победило. Зато «подмена» подобной ущербностью не страдала.

– Колись, Бэнкс, – оживилась она. – Почему Харден упала в обморок?
– Потому что знала больного.
– Что? Знала Дерека О’Каллагана? Харден?
– Именно. Их родители жили по соседству в Дорсете. – Бэнкс попыталась изобразить выговор, с каким, в ее представлении, изъясняются богатые землевладельцы: – Ты что, не знала?

Старшая сестра напустила на себя чопорный вид.

– Медсестра Харден происходит из очень хорошей семьи, – наставительно объяснила она посланной на помощь.

– Прямо жуть берет, какой хорошей, – зло рассмеялась Бэнкс. – Так вот, наша Джейн знала этого О’Каллагана. Месяц назад я сказала, что он самый беспринципный из всех тори, а она и не подумала поддержать меня. А потом рассказала...

– Спасибо, сестра Бэнкс! – оборвала ее Мэриголд. – Довольно. Операционная не место для политических дискуссий. У нас, кажется, все готово, и мне необходимо перемолвиться словом с врачом. – И она энергичным шагом удалилась.

– Ты смелая, Бэнкс, – заметила «подмена». – Так отзываться о сэре Дерекке! На фотографиях он очень даже ничего.

– Полагаешь, если у него физиономия, как у Конрада Фейдта, то он подходит на роль народного лидера и может заниматься законотворчеством? Типичная буржуазная невежественность и глупость. Ну ничего: судя по всему, он последний из подобных особей и уйдет первым, когда наступит рассвет.

– Ты о чем?

– Знаю, о чем говорю.

– А я ничего не поняла. Какой рассвет?

– Рассвет дня пролетариата.

– Что за штука? Ты только не злись, Бэнкс. Я правда хочу знать.

– Скоро узнаешь, – отрезала сестра.

Появился специалист по заболеваниям гортани и спросил, все ли готово для его операции. Через десять минут в палату привезли ребенка, и над столом снова, словно фимиам, поднялись пары хлороформа. Операция продлилась десять минут, и вскоре Бэнкс и «подмена» опять принялись отмывать помещение. Специалист по гортани мылся в приемной перед операционной и насвистывал. А когда закончил, просунул голову в дверь и, заметив: «Нет покоя грешникам, сестра», – удалился.

Некоторое время женщины трудились молча. Бэнкс казалась сосредоточенной и даже мрачной.

– Слушай, – наконец не выдержала новенькая. – Наш Пипс бушует на лестнице (Пипсом в больнице звали сэра Джона Филиппса). И Томс с ним. Интересно, как он там? Я имею в виду сэра Дерека.

– Не поверю, что тебе есть до него хоть какое-нибудь дело.

– Правда, очень интересно.

Голоса стали громче, но женщины не могли разобрать слов. Они замерли и прислушались. На лестнице происходило какое-то движение. К мужским голосам присоединился женский.

– Кто это? – заинтересовалась «подмена».

– Похоже на Мэриголд, – ответила Бэнкс. – Боже, как она меня бесит!

– Тс-с-с... О чем это они?

Теперь голос сэра Джона перекрывал все остальные:

– Я сам займусь этим!

– Пипс совершенно взбесился, – прошептала медсестра.

– Да, – послышался ясный ответ Томса. – Да.

Раздался звук шагов. Дверь внезапно открылась, и на пороге появилась сиделка О'Каллагана.

– Это ужасно! – воскликнула она. – Просто ужасно!

– В чем дело? Что случилось?

– Он умер. Сэр Дерек О'Каллаган умер!

– Да что ты!

– Жуть, что творится, – волновалась сестра Грэм. – С ним сейчас леди О'Каллаган. Она пожелала, чтобы ее оставили одну. Я почувствовала, что мне необходимо кому-нибудь рассказать.

Наступила мертвая тишина, затем женщины, словно побуждаемые некоей мысленной телепатией, не сговариваясь, повернулись и посмотрели на Бэнкс. Та откинула голову назад, непреклонно уперев руки в бока. Ее глаза метали искры, губы судорожно шевелились.

– Бэнкс! – возмутилась работавшая с ней медсестра. – Как ты можешь так себя вести? Я вижу, ты рада, что он умер!

– Если бы я не сбросила оковы религии, – ответила старшая коллега, – я бы сказала: «Возблагодарим Господа за то, что он поверг нашего врага!»

– Да ты просто отвратительная старая злюка! – бросила сестра-сиделка министра и вышла из операционной.

Леди О'Каллаган настаивает

Пятница, двенадцатое. День

– Леди О'Каллаган, прошу прощения за беспокойство, могу я с вами немного поговорить?

Рональд Джеймсон запнулся и сконфуженно по-смотрел на вдову своего покойного работодателя. Женщина в черном платье была необыкновенно красива. Ее волосы – секретарь никогда не мог решить, то ли они белокурые, то ли русые, – выглядели так, словно их тщательно разгладили и придали нужную форму. Тонкие изящные руки спокойно лежали на платье. Голубые глаза смотрели из-под тяжелых век с вежливой отстраненностью.

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Пойдемте в мою комнату, мистер Джеймсон.

Он последовал за ней в эту обитель воплощенного вкуса. Сесиль неторопливо села спиной к свету и произнесла:

– Присаживайтесь, мистер Джеймсон.

Рональд рассыпался в благодарностях и опустился на самый неудобный стул.

– Я только что вернулся из парламента, – начал он. – Премьер-министр принял меня в своем кабинете. Он ужасно расстроен тем... тем, что произошло вчера. Он просил меня передать, что всецело к вашим услугам, и если что-нибудь потребуется...

– Очень любезно с его стороны, – прервала его вдова.

– Еще он, разумеется, обеспокоен судьбой законопроекта. Законопроект сэра Дерекка против анархии. Необходимо настоятельно продвигать его, но случившаяся трагедия осложняет дело.

– Понимаю.

– Встал вопрос о личных заметках сэра Дерекка. Без них никак не обойтись. Я настаивал, чтобы отложить это дело до... послезавтра, но премьер-министр считает, что оно не терпит отлагательства, и желает познакомиться с заметками немедленно. Полагаю, они в столе, в кабинете, но прежде чем что-либо предпринять, я посчитал необходимым получить ваше разрешение.

Леди О'Каллаган не отвечала так долго, что Джеймсон встревожился. Затем она посмотрела на лежащие на коленях изящно сложенные руки и проговорила:

– Этот законопроект как-то связан с теми людьми, которые его убили?

Секретарь онемел от изумления и не знал, что ответить. Он считался находчивым молодым человеком, но, очевидно, странное предположение Сесиль застало его врасплох.

– Боюсь, я не понимаю... вы хотите сказать... леди О'Каллаган, вы же не допускаете... – Он никак не мог закончить фразу.

– Именно, – невозмутимо кивнула она. – Более того, я не сомневаюсь, что его убили.

– Но кто?

– Те самые люди. Анархисты или как их там. Они ему угрожали. И осуществили угрозу. Законопроект был, видимо, направлен на то, чтобы сдержать этих типов. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы способствовать его продвижению.

– Спасибо, – произнес Рональд.

– Это все, мистер Джеймсон?

– Но, леди О'Каллаган, неужели вы серьезно допускаете... скажу вам искренне, вы меня просто ошаршили. Откуда подобные мысли? В медицинском заключении ясно сказано: сэр Дерек страдал острым перитонитом.

– Сэр Джон Филиппс утверждает, что операция прошла успешно. Его отравили.
– И умер от перитонита и прободного абсцесса. Каким образом его могли специально отравить?

– В одном из писем ему угрожали отравлением. В том, что пришло в прошлый понедельник.

– Многие видные политические деятели получают похожие послания, однако ничего не случается. Простите меня, леди О'Каллаган, по-моему, вы заблуждаетесь. Как его могли отравить? Это невозможно. Прошу вас, не терзайте себя. – Он смущенно посмотрел в ее безмятежное лицо и с жаром закончил: – Не сомневаюсь, вы ошибаетесь.

– Пойдемте в его кабинет. – Леди О'Каллаган поднялась и молча повела секретаря в комнату министра.

Они открыли стол, и Сесиль, усевшись, наблюдала, как Рональд просматривает документы в отделениях для бумаг.

– Ящики слева, – объяснил он, – для личной корреспонденции. Я к ним никогда не прикасался.

– Их также необходимо открыть. Я сделаю это сама.

– Разумеется. Вот одно из писем с угрозами. Даже несколько... Я хотел показать их старшему инспектору уголовной полиции Аллейну из Скотленд-Ярда, но сэр Дерек не разрешил.

– Дайте мне на них взглянуть.

Секретарь отдал ей пачку писем и продолжил разбирать документы.

– А вот и заметки, – сообщил он, поднял голову и удивился, увидев на лице Сесиль признаки душевного волнения. Она пылала злобой.

– Вот то письмо, о котором я говорила. Прочитайте – и поймете, что его грозили отравить.

– Понятно.

– Вы до сих пор мне не верите, мистер Джеймсон?

– Извините. Боюсь, что нет.

– Я буду настаивать на расследовании.

– На расследовании? О Боже! – вырвалось у Рональда. – То есть, леди О'Каллаган, я хотел сказать, что не стал бы так поступать. На это нет никаких оснований.

– Вы понесете сегодня заметки мужа премьер-министру?

– Да.

– Окажите любезность, передайте, как я намерена поступить. А пока я просмотрю ящики с личной перепиской. У вас есть от них ключи?

Секретарь нехотя вложил ей в руку связку ключей.

– Когда вам назначена встреча?

– В три часа.

– Сейчас только половина третьего. Будьте любезны, перед тем как уходить, зайдите ко мне.

Как только секретарь удалился, Сесиль попробовала ключ к нижнему ящику.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд наблюдать за Рональдом Джеймсоном – например, дворецкий Нэш, – он показался бы ему чрезвычайно расстроенным. Секретарь поднялся в спальню, бесцельно по-бродил из угла в угол, выкурил три сигареты и, наконец, уселся на кровать, глядя, словно в транс, на висевшую над туалетным столиком гравюру. Затем посмотрел на часы, спустился вниз, взял шляпу и зонтик и вернулся в кабинет министра.

Леди О'Каллаган сидела за столом, на котором лежали стопки аккуратно рассортированных писем. Она не повернула головы и продолжала неотрывно смотреть на бумагу в руке.

Рональд подумал, что она, судя по всему, довольно долго сидела, не меняя позы, – как и он, пока находился в комнате наверху. Лицо леди О’Каллаган всегда казалось бескровным – она не пользовалась румянами, – но теперь было просто смертельно-бледным. От носа к кончикам губ, подобно туго натянутым ниточкам, пролегли тонкие морщинки.

– Подойдите сюда, – тихо сказала она.

Секретарь приблизился и встал около стола.

– Неделю назад вы мне сказали, что муж получил расстроившее его письмо. Вот это письмо?

Рональд бросил взгляд на лист бумаги и отвернулся.

– Я не видел само письмо, только конверт, – пробормотал он.

– Этот конверт?

– Полагаю, да, но утверждать не могу.

– Прочтите.

С выражением крайней неприязни секретарь прочитал письмо. Оно было от Джейн Харден.

«Если представится возможность, – писала медицинская сестра, – я без колебания вас убью».

Рональд положил письмо на стол.

– А теперь прочтите вот это.

Второе послание пришло от сэра Джона Филиппса. Хирург писал в сердцах, вернувшись домой после встречи с О’Каллаганом, и отправил письмо, не успев остыть.

«Полагаю, вы намерены устраниться и не собираетесь поступать так, как всякий достойный человек посчитал бы своим долгом. Вы сказали, что послали Джейн чек. Она, разумеется, либо его разорвет, либо отправит обратно. Не могу вас ни к чему побуждать, поскольку это навредило бы даме, которой вы и так причинили боль. Но предупреждаю: держитесь от меня подальше. Во мне сидит дьявол, с которым, как я надеялся, справился, но вы опять пробудили его к жизни, и я могу запросто вас убить. Мои слова могут быть восприняты преувеличением, но, имейте в виду, это не просто фигура речи.

Джон Филиппс».

– Вы видели его раньше? – спросила леди О’Каллаган.

– Никогда.

– Узнаете подпись? Его написал человек, который оперировал моего мужа.

– Да.

– Кто такая Джейн Харден?

– Даю слово, понятия не имею.

– Вот как? Очевидно, медсестра. Взгляните на адрес, мистер Джеймсон.

– Боже мой! – воскликнул Рональд. – Та же больница.

– Вот именно. Мы отправили его на операцию в странное место.

– Но...

– Будьте добры, возьмите с собой письма.

– Но, леди О’Каллаган, я никак не могу показать их премьер-министру. Это невозможно!

– Тогда я сделаю это сама. Расследование должно состояться.

– Прошу прощения, вы прочитали письма и потрясены их содержанием. Но сознаете ли вы, какие последствия вызовет огласка?

– О чем вы говорите? О каком потрясении? Неужели допускаете, будто я не знала, что у мужа были любовницы?

– Не представляю, – смутился несчастный Рональд.

– Разумеется, знала, – невозмутимо продолжила Сесиль. – Но, на мой взгляд, это не имеет никакого отношения к тому вопросу, какой мы сейчас обсуждаем. Не сомневаюсь, что его убили. Сначала я подозревала этих людей, – леди О'Каллаган сделала едва заметный жест в сторону аккуратной стопки конвертов на столе, – но теперь выяснила, что его окружали враги пострашнее. – Она накрыла ладонью лежащие на коленях письма. – Его убили. Возможно, эта медицинская сестра или сэр Джон Филиппс. Или вдвоем, сговорившись. Я требую расследования.

– Расследования! Сомневаюсь, чтобы вам его разрешили.

– К кому следует обратиться?

– Обычный человек не может дать указание начать расследование, – уклончиво ответил секретарь.

– А кто может, мистер Джеймсон?

– Районный коронер.

– Или полиция?

Рональд поморщился.

– Полагаю, да.

– Хорошо. Спасибо, мистер Джеймсон.

Рональд поднялся и в полном замешательстве поспешил в парламент.

А леди О'Каллаган тем временем прижала небольшую стопку писем нефритовым пресс-папье и открыла телефонный справочник. Нужный ей номер был напечатан крупным шрифтом на первой странице. Ей ответили немедленно, как только она его набрала.

– Это Нью-Скотленд-Ярд? – Ее голос прозвучал безмятежным фальцетом. – Говорит леди О'Каллаган. Моим мужем был сэр Дерек О'Каллаган, покойный министр внутренних дел. Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальства по поводу его смерти. Нет, не по телефону. Может, кто-нибудь приедет ко мне? Немедленно. Благодарю вас.

Сесиль положила трубку и откинулась на спинку кресла. Затем позвонила Нэшу. Тот явился. В трауре он напоминал головку сыра «Стилтон».

– Нэш, – начала она, – через десять минут к нам прибудет полицейский чин из Скотленд-Ярда. Это по поводу предстоящих похорон. Я хочу поговорить с ним. Если в это время придет мисс О'Каллаган, скажите, что я не могу ее видеть. Когда полицейский явится, проводите его сюда.

– Слушаюсь, миледи, – тихо произнес дворецкий и удалился.

А Сесиль О'Каллаган перешла в комнату, где лежал ее муж, дожидаясь своего последнего путешествия по Уайтхоллу. У гроба маленькими золотыми плюмажами у головы и в ногах покойного трепетали огоньки свечей. Большая комната была богато украшена цветами. Пахло как на тропическом острове, хотя в комнате царил леденящий холод. Поодаль от гроба стояла на коленях монахиня из церкви, где О'Каллаганы были прихожанами.

На мгновение вдова опустила на колени, небрежным движением перекрестилась, затем поднялась и посмотрела на мужа.

Дерек О'Каллаган выглядел впечатляюще: густые брови, черные волосы, крупный нос подчеркивали бледность его лица. Чопорно сложенные крест-накрест руки покорно прижимали распятие к крутому изгибу груди. Жена, почти такая же бледная, как и муж, смотрела на покойного. Никто бы не догадался, о чем она думает. Она просто смотрела на мертвое лицо. Где-то в отдалении открылась и закрылась дверь. Сесиль отвернулась от гроба и вышла из комнаты.

В холле Нэш мрачно принимал шляпу и зонт у высокого, крепко сложенного мужчины.

– Инспектор Фокс, миледи.

– Извольте пройти сюда.

Она провела полицейского в кабинет. Нэш успел развести в камине огонь, и Сесиль протянула к теплу свои тонкие пальцы.

– Присаживайтесь. – Они устроились друг против друга, и инспектор Фокс ждал с почтительным вниманием. – Я пригласила вас сюда, поскольку считаю, что моего мужа убили.

Фокс некоторое время грузно и неподвижно сидел молча и мрачно смотрел перед собой.

– Печально слышать, леди О’Каллаган, – наконец произнес он. – Звучит серьезно.

По части сдержанности Сесиль явно нашла себе достойного собеседника.

– Разумеется. Я бы не вызвала вас, если бы не имела вещественных доказательств, которые готова предъявить. Полагаю, полиция осведомлена о деятельности людей, на борьбу с которыми направлен законопроект моего мужа против анархизма?

– Нам о них многое известно.

– Муж получал много писем с угрозами, которые, как мы полагали, приходили от этих людей. Я хотела, чтобы он показывал письма полиции, но он отказывался.

– Мы знаем об этом из другого источника, – заметил Фокс.

– Вероятно, от премьер-министра?

Полицейский спокойно посмотрел на нее и промолчал.

– Письма здесь, – продолжила леди О’Каллаган после паузы. – Я желала бы, чтобы вы их прочитали. – Она взяла бумаги со стола и протянула полицейскому.

Тот извлек из внутреннего кармана очечник и надел очки в золотой оправе. В них он выглядел очень солидно. И так же солидно читал письма, аккуратно кладя их одно поверх другого. Закончив последнее, сложил вместе свои огромные ладони и произнес:

– Да, они обычно пишут нечто подобное.

– А теперь прочитайте вот это. – Она протянула ему письма от Джона Филиппса и Джейн Харден.

Полицейский прочитал их так же внимательно.

– Сэр Джон Филиппс – тот самый хирург, который оперировал моего мужа. Второе письмо, как я понимаю, от медицинской сестры из его больницы.

– Вот как? – вежливо отозвался Фокс.

– У моего мужа развился перитонит, но, по моему мнению, он скончался от отравления.

– И это мнение сложилось у вас благодаря письмам? Этим двум или другим?

– Не знаю. Однако склонна считать личные письма более весомыми. Их авторы явно угрожали жизни мужа.

– Да, выражения весьма недоброжелательные.

– Я хочу, чтобы было проведено расследование.

– Понятно, – кивнул Фокс. – Должен вам сказать, леди О’Каллаган, что это очень серьезное дело.

На щеках Сесиль появился легкий румянец. Другая на ее месте скорее всего завизжала бы, а эта лишь заметила:

– Разумеется, серьезное.

– Поймите: прежде чем будет отдан приказ на проведение расследования, коронер, который и отдает такие приказы, захочет кое в чем убедиться. Как обстоят дела со свидетельством о смерти?

– Что вы имеете в виду?

– Оно подписано?

– Да.

– Сэрлом Джоном Филиппсом?

– Не знаю. Вероятно. Хотя не исключено, что его подписал ассистирующий хирург мистер Томс.

– Так. Проанализируем ситуацию: мистер Томс – известный хирург, сэр Дерек – влиятельный пациент. Мистер Томс, прежде чем поставить подпись на свидетельстве о смерти, обязательно предпринял бы все предосторожности. Полагаю, коронер посчитает данный документ достаточным.

– А как же угрозы? Не сомневаюсь, что мужа убили! Я требую расследования.

Фокс задумчиво посмотрел на огонь.

– Возможно, вы пожелаете, чтобы я сам позвонил коронеру и изложил суть дела?

– Конечно, если вы возьметесь.

– Было бы лучше, если бы вы могли сообщить, кто точно подписал свидетельство о смерти.

– Это должен знать секретарь мужа, мистер Джеймсон. На три часа у него назначена встреча с премьер-министром.

– Сейчас без пятнадцати четыре.

– Я позвоню ему в парламент, – сказала Сесиль и принялась набирать номер.

Ей потребовалось время, чтобы разыскать Рональда и задать ему вопрос.

– Это был Томс? – спросила она в трубку. Ответ секретаря явственно прозвучал в комнате. – Спасибо. Вы обсудили это дело? Ясно. Нет, полагаю, что не надо, мистер Джеймсон. Я напрямую связалась с полицией.

Леди О’Каллаган повесила трубку и сообщила Фоксу, что свидетельство о смерти подписал Томс.

Полицейский позвонил коронеру и долго, приглушенно с ним разговаривал. Коронер что-то отвечал, и его голос звучал взволнованно. Леди О’Каллаган внимательно слушала и барабанила пальцами по ручке кресла – жест для нее прежде немыслимый. Наконец Фокс разъединился.

– Все, как я и предполагал. Он говорит, что не может вмешиваться.

– Следовательно, мне придется обращаться напрямую к премьер-министру.

– Я бы не стал этого делать, леди О’Каллаган. Во всяком случае, пока, – посоветовал Фокс. – Если позволите, я переговорю со своим начальником, старшим инспектором уголовной полиции Аллейном.

– Аллейном? Мне кажется, я о нем что-то слышала. Он ведь... – Сесиль О’Каллаган чуть не допустила промах и не сказала: «Он джентльмен». Видимо, действительно так разволновалась, что была на грани подобной оплошности.

Инспектор Фокс ответил просто:

– Да, он довольно известен. Высокообразованный человек. Я бы сказал так: не похож на меня.

Щеки Сесиль опять порозовели.

– Я благодарна вам за хлопоты, – произнесла она.

– Это наша работа, – ответил инспектор Фокс. – А теперь, леди О’Каллаган, извините меня, я должен идти. Немедленно переговорю со своим начальником и, если позволите, покажу ему письма.

– Показывайте.

– Благодарю. Всего хорошего.

– Не хотите ли что-нибудь выпить, перед тем как уйдете?

– Нет, спасибо. Вы очень любезны. – Детектив подошел к двери, обернулся и слегка поклонился. – Позвольте выразить вам мои соболезнования. Это большая потеря для нашей страны.

- Спасибо.
- Всего доброго, леди О'Каллаган.
- Всего доброго, инспектор.

Старший инспектор уголовной полиции Аллейн

Пятница, двенадцатое. День и вечер

– Привет, Братец Лис, – произнес Аллейн, оторвав взгляд от стола. – Куда это вас носило в вашем новом котелке?

– Ходил в гости к Снежной королеве, – ответил инспектор, проявив неожиданную фантазию. – Только имейте в виду: если я сказал «Снежная королева», то не имел в виду кокаин.

– Да ну? А что же вы имели в виду? Садитесь, покурите. Вы, кажется, взволнованы?

– Так и есть. – Инспектор посерьезнел, достал и прочистил трубку и важно посмотрел на начальника: – Я навещал жену покойного министра внутренних дел.

– Вот как? А вы делаете успехи.

– Понимаете, шеф, она утверждает, что это убийство.

– Убийство кого?

– Сэра Дерекса О'Каллагана.

Аллейн положил трубку на стол и медленно повернулся на стуле.

– Надо же! – Бровь старшего инспектора взлетела на невероятную высоту, а уголок губ пополз куда-то в сторону, отчего его красивое лицо приобрело надменно-озорное выражение. – Что она за женщина?

– Эдакая замороженная леди, – ответил Фокс. – В общем, Снежная королева. Отнюдь не истеричка, если вас это интересует.

– Она из Крысбонов. Все Крысбоны отличаются холодностью. Я учился в школе с ее братом, и того, конечно, прозвали Крысомором. Ничего, что я говорю, как мистер Сплетник? Неприветливый был парнишка. Ладно, выкладывайте все от начала до конца.

Фокс рассказал, что ему удалось выяснить, задержавшись подробнее на письмах.

– Понятно, – буркнул Аллейн. – Она настаивает на расследовании?

– Да. И если мы ничего не предпримем, то дойдет до премьер-министра. Он ведь ваш приятель, сэръ?

– Да, знаком я с этим стариканом. Недели две назад он вызывал меня по другому поводу, и мы имели беседу в духе Оппенгейма об этих самых террористах. Премьер-министр был очень обеспокоен и интересовался моим мнением: не грозит ли О'Каллагану опасность, если он будет продвигать своей законопроект. В подобных случаях ничего нельзя утверждать. Я ему так и ответил. Всегда может найтись какой-нибудь подающий надежды молодой коммунист, который подсунет бомбу. Хотя, честно говоря, я сомневался. Да, они время от времени безобразничают и доставляют много неприятностей, но я не верю, чтобы британские анархисты были убийцами. Анархисты! Слово-то какое *vieux jeu* ¹.

– Это, наверное, французский?

– Угадали, Фокс. Я всегда говорил, что у вас способность к языкам.

– Занимаюсь самообучением с помощью грамофона. И все же, сэръ, террористы не шутка.

– Разумеется. Пээм ², как его называют, считал, что О'Каллагану требуется полицейская защита. И я с ним соглашался. Но больше ничего не мог поделать. О'Каллаган несерьезно относился к угрозам. И мы, как ты знаешь, ненавязчиво присматривали за ним. В

¹ Старомодное (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Премьер-министр.

тот день, когда заседал кабинет министров, чтобы решить вопрос о представлении законопроекта, я сам отправился на Даунинг-стрит. Мне стало известно, что туда собирается этот несносный Николас Какаров, и я действительно заметил его поблизости на улице. Вырядился самым смехотворным образом – кажется, фотографом – и удрал со всеми своими инфракрасными излучателями, как только увидел меня. А я взял такси и поехал за О’Каллаганом до самого его дома. Был момент, когда мы остановились бок о бок. Он включил в салоне машины свет, а я повторил приветствие.

– Его слуги надежны? – спросил Фокс.

– О да, этим мы занимались, но, разумеется, не могли добиться многого без разрешения О’Каллагана или без его ведома.

– Конечно. Думаю, ее светлость подозревает хирурга или девчонку.

– «Хирург или девчонка», подходит для названия кино. Сэр Джон Филиппс – способный врач и умеет управляться со скальпелем. Она считает, что он резанул не там, где надо, потому что О’Каллаган связался с его приятельницей?

– Она уверена, что сэра Дерека отравили. Во всяком случае, ее мысль такова, хотя в письмах – никакой ясности.

– Письма при вас?

– Да, вот они.

Аллейн внимательно прочитал послания.

– Знаете, Фокс, сотни людей сочиняют подобные письма, однако не собираются никого убивать.

– То же самое я пытался внушить и ей!

– Бедолага Фокс. Найдите-ка мне статью о его смерти.

Инспектор извлек из кармана газету.

– Захватил с собой.

– Вы ни о чем не забываете. Значит, он умер через час после окончания операции. Анестезиолог проявлял беспокойство, перитонит, перфоративный абсцесс, «не хотел устраняться от грандиозного дела», явно запустил свой живот. Все достаточно логично, и тем не менее... – Аллейн задумчиво потянул кончик своего аристократического носа. – Боже, – тоскливо заключил он, – придется идти встречаться с леди.

На лице Фокса отразилось облегчение.

– Если в этом деле есть что-то реальное, это будет громкое расследование. Как вы называете подобные случаи? – Он, смущаясь, произнес французские слова: – Cause celebre³.

– Именно так, – кивнул Аллейн, который, подшучивая над кем-нибудь, никогда не перегибал палку. – Интересно, примет она меня сегодня вечером?

– Не сомневаюсь, сэр.

³ Нашумевшее дело (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.